

中华经典故事

ПОДНЕБЕСНАЯ В РАССКАЗАХ

Сюэ Фэй

ПРИТЧИ

ЧЖУАН-ЦЗЫ

庄子故事

Сюэ Фэй
Притчи Чжуан-цзы
Серия «Поднебесная в рассказах»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48461418
Притчи Чжуан-цзы / Сюэ Фэй, Пер. с кит. Тарасенко М.В.: Шанс;
Москва; 2019
ISBN 978-5-906892-61-4*

Аннотация

«Чжуан-цзы» — важнейшая книга даосизма, написанная известным китайским мудрецом Чжуан-цзы и его учениками.

В этом издании притчи из трактата приводятся в пересказе. Автор сравнивает их с произведениями мировой литературы, иллюстрирует рассказами о реальных случаях из истории.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

«Чжуан-цзы» – блестящим философский труд	6
Высокие устремления рыбы Кунь и птицы Пэн	9
Устремления величественного лебедя	12
Безразличный к богатству и славе Сюй Ю	15
Как Джордж Вашингтон отказался стать королем	20
Как сунец шапки продавал	23
Как торговцы обувь продавали	25
Великие вещи	29
О Чжоу-ване и его палочках из слоновой кости	33
Утром – три, а вечером – четыре	36
Успех приходит рано или поздно	39
Как Ле-цзы отказался от зерна	43
Как преуспел Люй Бувэй	46
Как Чжуан-цзы видел себя бабочкой во сне	51
Сон бабочки Ли Шаньиня	54
Повар Дин разделяет коровью тушу	58
Дерево и камыш	62
Фазан, живущий в камышах	64
Павлин и белый журавль	66
«Бесполезное» дерево	68
За весельем не вспоминать о Шу	71

Сюэ Фэй

Притчи Чжуан-цзы

Права на издание книги предоставлены ООО «Китайское книгоиздательство»

B&R Book Program

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», перевод, оформление, 2019

© ООО Издательство «Восток-Бук», 2019

© ООО «Китайское книгоиздательство», 2019

Все права защищены.

«Чжуан-цзы» – блестящим философский труд

Мудрец Чжуан-цзы жил в конце периода Сражающихся царств (приблизительно 369–286 гг. до н. э.). Его настоящее имя – Чжоу, а второе – Цзы Сю.

Несмотря на то, что периоды Весен и Осеней и Сражающихся царств были эпохой волнений и смуты, для научной мысли это было время свободы и открытости. Дискуссии мудрецов той эпохи положили начало золотому веку в истории философской мысли Китая. Поэтому можно сказать, что Чжуан-цзы родился в удачное время. Он был великим литератором и философом и стал важнейшим представителем даосской школы после Лао-цзы. Чжуан-цзы отказался от денег и положения в обществе и презирал жизнь знатных и власть имущих. Мудрец стремился к свободе и беззаботности духа и смиренно принимал голод и нужду. Чжуан-цзы был настоящим народным мыслителем.

Трактат «Чжуан-цзы» насчитывает тридцать три главы, более десяти тысяч иероглифов и включает три раздела: «Внутренний», «Внешний» и «Разное». Некоторые ученые полагают, что

«Внутренний раздел» написан самим Чжуан-цзы, а два других записаны позже от имени автора и частично состав-

лены его последователями. Трактат «Чжуан-цзы» вобрал в себя глубокие философские размышления, жизненные истории и яркие художественные образы. Автор облек философские идеи в литературную форму, потому эта книга превосходит другие как в художественном, так и в содержательном плане.

«Чжуан-цзы» богат не только философией, глубокими идеями, но и необычными яркими образами – благодаря огромной силе художественного воздействия трактат стал истоком развития художественного творчества последующих веков. Трудно переоценить влияние «Чжуан-цзы» на множество великих мыслителей и литераторов: Тао Юань-мин, Ли Бо, Ли Шань-инь, Су Ши, Цао Сюэцин и другие – все черпали в нем вдохновение.

«Чжуан-цзы» – красивое философское сочинение, мистическое и полное сокровенных мыслей. Кроме того, это еще и великолепный литературный труд, с чудным слогом и замечательной манерой повествования. Притчи, использованные в «Чжуан-цзы», кардинально отличаются от традиционного морализаторства, побуждают к размышлениям над скрытым смыслом, описывают сложные идеи и логические умозаключения. Это и есть новая форма литературной выразительности, созданная Чжуан-цзы: он начал объяснять философские принципы через притчи.

В издании «Притчи Чжуан-цзы» простым языком изложены 43 избранных рассказа из «Чжуан-цзы», добавлены увле-

кательные сюжеты и диалоги, иллюстрирующие глубокие и мистические воззрения философа.

После каждой притчи есть еще одна небольшая история или байка со скрытым смыслом. Эти рассказы из самых разных источников близки идеям притч, а иногда вступают с ними в противоречие или дополняют идеи Чжуан-цзы. Они расширяют кругозор читателя, приумножат жизненный опыт, позволят по-новому взглянуть на мысли Чжуан-цзы. Все эти истории происходят в разное время в разных местах, в них высказываются различные точки зрения.

Расширению кругозора также послужат подобранные к рассказам иллюстрации. Трактат «Чжуан-цзы» великолепен, и мы постарались сделать «Притчи Чжуан-цзы» максимально яркими, чтобы как можно больше людей читали и понимали этот трактат, полюбили его философию.

Высокие устремления рыбы Кунь и птицы Пэн

Первая строка главы «Беззаботное скитание» из трактата «Чжуан-цзы» гласит: «В Северном океане обитает рыба, зовут ее Кунь»¹. Можно подумать, что рыба по имени Кунь живет в большом море на севере. На самом же деле океанская пучина, о которой идет речь, значительно превосходит любое море; это бескрайнее, бездонное, мистическое место. Где это место? Никому то не ведомо.

В представлении Чжуан-цзы рыба Кунь настолько огромна, что неизвестно, сколько тысяч ли² она величиной. Выпрыгивая из воды, рыба Кунь становится птицей по имени Пэн. Размахивая крыльями, птица Пэн летит в небеса. Она настолько огромна, что неизвестно, сколько тысяч ли в размахе ее крыльев, которые подобно темной туче закрывают небосклон. Оттолкнувшись от бурных волн, птица летит в Южный океан. А Южный океан в представлении Чжуан-цзы – это невероятно большое место в Центрально-Южном Китае. Чжуан-цзы называл его «тяньчи» – «водоем, сотворенный природой». Реальное озеро Тяньчи, которое находится в горах Чанбайшань, конечно, несравнимо с Южным океаном.

¹ Здесь и далее цит. по: Чжуан-цзы / Пер. В.В. Малявина. М.: «Мысль», 1995.

² Ли – единица измерения, равная примерно 500 метрам.

Место это столь же мистическое и необыкновенное, как и сама птица Пэн. Она бьет крыльями по воде, поднимая волны на три тысячи ли, летит ввысь, взмывая на девяносто тысяч ли. В этой сцене сравнение птицы с темной тучей, застилающей небо, и описание бурлящих до небес волн вовсе не кажутся преувеличением. Тем не менее фразы, подобные «Птица Пэн парит на девяносто тысяч ли» и «Рыба Кунь вздымает волны на три тысячи ли», следует понимать как авторское восприятие Чжуан-цзы.

Птица Пэн летит, отдыхая один раз в шесть лун. Несет на плечах синее небо, взирает на мир с невероятной высоты. Гордая и одинокая птица не произносит ни слова до самого конца пути. В ее глазах все на земле уподобляется пылинкам. А обитатели земли не могут не смотреть на нее, ведь птица Пэн слишком заметна.

Живущая на дереве цикада и горлица смотрят на пролетающую над головами птицу Пэн и вовсе ее не понимают.

Цикада говорит:

– Я лечу вверх изо всех сил – и все равно не могу вылететь из плотных листьев вяза!

Горлица ей вторит:

– Если никак не взлететь, то можно оставаться и на земле, ради чего нестись на юг за девяносто тысяч ли? И что только нужно этой большой птице?

Чжуан-цзы осуждал эту парочку, мол, что они могут понимать! Малому умишку далеко до большого ума, в этом раз-

ница между малым и великим.

Устремления величественного лебедя

Кроме Чжуан-цзы был и другой человек, смотревший на горлицу свысока. В главе «Наследственный дом Чэнь Шэ» из «Исторических записок» Сыма Цяня говорится о молодом батраке по имени Чэнь Шэн. Однажды Чэнь Шэн с несколькими товарищами возделывал землю и, устав, присел в поле отдохнуть. Чэнь Шэн сказал всем присутствующим:

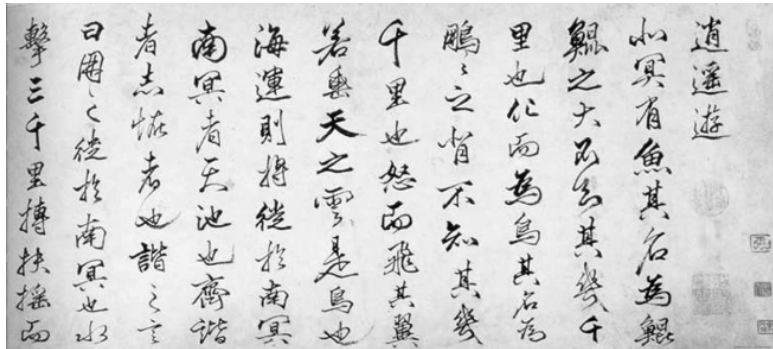
– Если один из нас когда-нибудь разбогатеет, не забывайте, как мы вместе пахали землю.

Услыхали это товарищи, рассмеялись, а кто-то сказал:

– С чего это вдруг разбогатеют такие люди, как мы?

Вздыхнув, Чэнь Шэн ответил:

– Где маленьким ласточкам и горлицам уразуметь устремления величественного лебедя!

«Беззаботное скитание» – работа знаменитого минского каллиграфа Фэн Фана (фрагмент). Фэн Фан занимался гравировкой печатей в стиле чжунань, а также хорошо владел каллиграфическим стилем цаошу. Этот свиток он написал для своего друга в годы Цзяцзин (1521–1567). Иероглифы здесь естественные и изящные, строгие и отрешенные. Такую манеру в каллиграфии называют «мускулистым письмом» – штрихи энергичные, «костяк» важнее, чем «мясо» (под «костяком» в каллиграфии подразумевается композиция, расстояние между штрихами и иероглифами, размер иероглифов, наклон; под «мясом» – толщина и длина штрихов, их изгибы и изломы. – Примеч. пер.)

Некоторое время спустя Чэнь Шэн и У Гуан подняли восстание в деревне Дацзэ. Они стали первыми предводителями крестьян в борьбе против тирании Цинь Шихуана³.

³ Цинь Шихуан – первый император объединенного Китая. Проводя прогрес-

Тогда жил еще один человек с большими замыслами, который, увидев роскошный выезд Цинь Шихуана, восхищенно воскликнул:

– Вот так следует жить великому мужу!

После восстания Чэнь Шэна он также поднял мятеж в уезде Пэй (располагавшемся в современном Сюйчжоу в провинции Цзянсу) и впоследствии объединил Китай. Человеком этим был основатель и первый император династии Хань – Лю Бан.

Точно так же наблюдая за выездом Цинь Шихуана, еще один человек бросил небрежно:

– Он заменим, – подразумевая, что он мог бы заменить Цинь Шихуана на его месте. Это был Сян Юй, боровшийся за Поднебесную с Лю Баном. После восстания своего дяди Сян Ляна он сумел разбить основные силы циньской армии в сражении за Цзюйлу. Даже несмотря на последующее поражение, он остается большим героем.

Очевидно, что желающим вершить большие дела нужно иметь далеко идущие цели. С одной стороны, необходимы великие стремления, как у птицы Пэн, с другой – нужно иметь твердую почву под ногами, шаг за шагом претворяя свои устремления в жизнь. С детства поставить цель и все время упорно идти к ней – в этом современные люди должны быть похожи на древних.

Безразличный к богатству и славе Сюй Ю

В «Ли цзи»⁴ говорится: «Поднебесная принадлежала всем, [для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии»⁵. Императорский титул не передавался по наследству, а переходил к подходящему, по мнению правителя, кандидату. Император не карал и миловал по своему произволу, а служил во благо Поднебесной: следил не только за ходом пахоты и жатвы, рыбалкой, охотой, но и за урожаями, а также пожарами, наводнениями и прочими бедствиями, распределял зерно в голодающие районы, собирал людей, чтобы справиться с невзгодами. Когда император старел, необходимо было передать место более мудрому человеку. Это называлось «шаньжан» – «передать престол достойнейшему».

Примерно четыре тысячи лет назад, когда век государя Яо клонился к закату, он начал искать мудрого и способного человека себе на смену. Выбор его пал на чистого помыслами Сюй Ю, ему он хотел отдать Поднебесную.

⁴ «Ли цзи» («Записки о благопристойности») – одно из основных произведений конфуцианского канона, его авторство приписывают Конфуцию и его ученикам, хотя трактат содержит и более поздние тексты.

⁵ Цит. по: Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 100.

В один прекрасный день Яо отложил работу и самолично направился к живущему в уединении Сюй Ю. В быту Яо был неприхотлив и обходился как без пышных платьев, так и без многочисленного эскорта и охраны. Так что путешествовать ему было куда проще, чем предыдущим и последующим императорам даже в тайных поездках.

Яо нашел хижину Сюй Ю и представился:

– Ваш покорный слуга – Фан-сюнь, известный как Тан Яо. Позвольте узнать, вы ли господин Сюй Ю?

– Действительно, это я.

– Давно наслышан о вашей доброй славе и специально приехал с визитом.

– Входите.

Сюй Ю впустил Яо в хижину, где оба они сели на циновку, поджав ноги, не разделяя кто гость, а кто хозяин.

Усевшись, взволнованный Яо обратился к Сюй Ю с речью:

– Разве может сравниться огонь свечи с сиянием солнца и луны на небосводе? К чему зря поливать ростки пшеницы, если дождь уже идет? Если вы сядете на трон, в Поднебесной воцарится покой. Такому дряхлому старику, как я, уже совестно занимать место правителя. Позвольте верить Поднебесную в ваши руки.

Яо говорил искренне и сердечно, так как выбрал Сюй Ю, желая передать власть правильному человеку, радеющему о счастье народа. Сюй Ю же не интересовался богатством и славой, не вникал в политику и не терпел никаких связыва-

ющих дух ограничений, а стремился к абсолютной свободе, поэтому он еще более искренне и деликатно отказался:

– Сейчас в Поднебесной под вашим управлением царят порядок и процветание, если я заменю вас, разве не получу дурную славу охотника за выгодой? Птице, выующей гнездо в глубине леса, достаточно и одной ветки; зверю, утоляющему жажду у реки, не нужно больше воды, чем вместит желудок. К чему мне Поднебесная? Лучше вам вернуться! Даже если повар не приготовил еду, негоже распорядителю жертвоприношений становиться к плите вместо него.

Могила Сюй Ю в деревне Сюй Ю (уезд Яньлин городского

округа Сюйчан). Перед круглым могильным курганом стоит надгробная плита с жизнеописанием мыслителя Сюй Ю и историей его рода. Сюй Ю был мудрецом, чьи годы жизни выпали на время правления Яо. Позже его прозвали патриархом отшельников. Его не интересовали богатство и слава, он отказался от верховной власти над Китаем. Мудрец основал поселение отшельников на земле Сюйчана, вел простую жизнь, занимался земледелием, развивал в этих местах культуру. Сюй Ю стал первооткрывателем плодородных земель Сюйчана и «сеятелем цивилизации». Первый слог топонима «Сюйчан» восходит к фамилии Сюй; род Сюй также пошел от Сюй Ю

Сюй Ю тактично отказал Яо, и тому оставалось только откланяться. В душе же он лишь больше зауважал высокую нравственность Сюй Ю.

После ухода Яо Сюй Ю, опасаясь его возвращения, в ту же ночь отправился в горы, чтобы там уединиться. Некоторое время спустя Яо действительно послал людей к Сюй Ю со словами: «Если господин решительно настроен против принятия титула, надеюсь, он станет высокопоставленным чиновником».

Услышав это известие, Сюй Ю побежал на берег Инхэ и вымыл уши, набрав воды обеими руками, что означало: дела бренного мира загрязнили его слух.

В конце концов Яо отказался от идеи передать титул Сюй

Ю, и Поднебесную принял другой способный к управлению государством человек – Шунь.

Как Джордж Вашингтон отказался стать королем

В глазах Чжуан-цзы птица Пэн – это первая вольная птица Поднебесной; Сюй Ю – первый вольный человек. Трудно сказать, каким был путь мифической птицы и человека-легенды, но в реальности существовал подобный Сюй Ю, не гонявшийся за славой и богатством вольный человек – первый президент США Джордж Вашингтон.

Джордж Вашингтон был главнокомандующим Континентальной Армии США. Возглавляя организованную народом континентальную армию североамериканской колонии, Вашингтон прогнал английских колонизаторов и одержал победу в Войне за независимость. В 1787 году он руководил конвентом, который разработал современную Конституцию США.

В 1789 году Джордж Вашингтон был избран первым американским президентом; в 1793 его переизбрали. За два президентских срока он создал множество законов, действующих и поныне.

В эпоху, когда жил Вашингтон, устройство мира сильно отличалось от современного. То было время процветания монархии, мир принадлежал королям, эмирам, императорам. В Китае и России правили императоры, в Англии и Франции – короли, в Турции – султан, и ни в одном крупном

государстве не было республиканской формы правления.

В те времена власть монарха была для людей естественной. Исходя из высокого авторитета, славы и талантов Вашингтона, в мае 1782 года группа офицеров во главе с полковником Льюисом Никола на секретном собрании предложила ему королевский титул. На тот момент исключительно от выбора Вашингтона зависело, станет ли Америка республикой.

В результате Вашингтон решительно отклонил план сделать его королем и написал полковнику Никола письмо. Вот несколько фраз оттуда:

«Если я не ошибаюсь в самом себе, Вы не могли найти человека более чуждого Вашим проискам... Так заклинаю Вас – если у Вас есть хоть капля любви к родине, заботы о самом себе или потомках, наконец, уважения ко мне, – изгоните эти мысли из своей головы и никогда не высказывайте ни от своего, ни от чуждого имени взгляды такого рода»⁶.

Это письмо впоследствии стало знаменитым образцом эпистолярного жанра. Когда английский король Георг III узнал о поразительном отказе Вашингтона от королевского титула и установления монархической власти, он произнес, не скрыв изумления: «Если он сделает это, то станет величайшим человеком в мире».

Благородство и душевная чистота Джорджа Вашингтона

⁶ Цитата приводится по изданию: *Яковлев Н.* Вашингтон. – М.: Молодая гвардия, 1973. С. 400.

заставила потускнеть блеск королевской тиары. С того момента Америка пошла по пути демократической республики. Вашингтон стал первым «вольным человеком». Мы надеемся, что с течением времени все больше людей станут подобно ему считать, что будущее страны и демократические ценности важнее личной власти и положения. Тогда мир станет лучше.

Как сунец шапки продавал

В период Весен и Осеней и Сражающихся царств в царстве Сун жил торговец, отправившийся продавать парадные головные уборы, которые носили на севере, в южный Юэ, услышав, что там нет шапок. Торговец полагал, что на этот раз дальняя поездка непременно обернется для него большим барышем.

Он торговал шапками чжанфу – официальным головным убором династии Шан. Сунцы были потомками шанцев, поэтому носили такие шапки. Эта вещь, использовавшаяся только для церемоний, отличалась от знакомых нам шапок, которые носят для красоты или защиты от холода.

В древности китайцы, как правило, носили длинные волосы. Их полагалось закалывать, а в головных уборах сверху как раз было место для собранных в узел волос. Короткие волосы тогда означали, что человек совершил преступление: существовало наказание «оголение», когда преступника брили наголо. В свою очередь, распущенные, несобранные волосы указывали на странную натуру человека и говорили о его чрезмерной открытости или о душевном расстройстве.

В Древнем Китае придавали опрятному внешнему виду и головному убору большое значение. Люди разного положения при разных обстоятельствах выбирали различные голов-

ные уборы, по аналогии с современным выбором костюма и туфель – сообразно нормам этикета. Княжество Юэ, куда направлялся сунский торговец, располагалось на месте современных Цзянсу, Чжэцзяна и Фуцзяня, тогда это был варварский⁷ край, в котором люди еще не были знакомы с китайской культурой.

Дорога в княжество Юэ была долгой, торговец преодолел горы, переплывал реки, и, приложив множество усилий, доставил-таки шапки по назначению. Но, прибыв на место, он обнаружил, что люди в тех краях полностью покрыты причудливыми татуировками и не отращивают волосы, а стригут их коротко-коротко. Не то чтобы жители Юэ не носили шапок, но головные уборы, подходящие для волос, собранных в узел, для них были вещью бесполезной. Так что усилия торговца из Сун оказались напрасными, и пришлось ему вернуться ни с чем.

Историей о сунце, продававшем шапки, Чжуан-цзы хотел донести, что, обдумывая любое дело, нужно суметь взглянуть на него со стороны, встать на место другого человека. Следует расширить кругозор, мыслить гибко, иначе все может обернуться крахом.

⁷ Варварами китайцы обычно называли представителей других народов. – *Примеч. ред.*

Как торговцы обувь продавали

Если проанализировать историю сунца, торговавшего шапками, с позиций современного маркетинга, окажется, что он просто-напросто не провел полноценного исследования рынка заблаговременно, неверно выбрал объект сбыта. Другими словами, он пытался продать людям абсолютно ненужный им товар.

Любопытно, что в западной культуре есть пример маркетинга того же порядка, что и в рассказе о продавце шапок.

В Европе существовала компания, специализировавшаяся на продаже кожаной обуви, которая рассчитывала расширить свой рынок и торговать во всех странах мира. Однажды ее директор позвал двух опытных в продажах специалистов и сказал им:

– Мы собираемся открыть торговую компанию в Африке. Но сначала отправим вас исследовать рынок – разведаете, что да как, оцените, каковы наши перспективы. А я оценю ваши способности. Посмотрим, кто первый откроет африканский рынок.

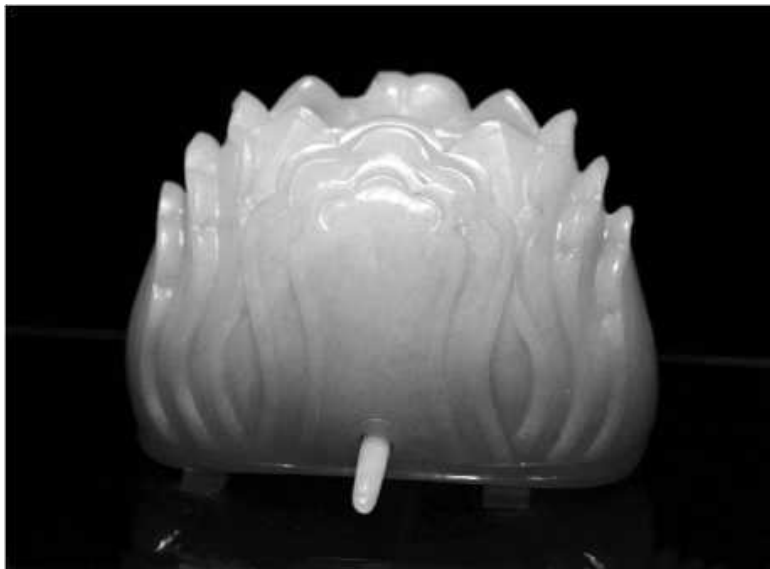
Продавцы поняли задание и направились каждый в свой район Африки. Хотя это и были разные места, кое-что их все-таки объединяло: в то время никто из живущих в Африке не носил обувь.

Один из продавцов, увидев, что местные не носят обувь,

чрезвычайно расстроился и написал в телеграмме директору: «Обувь здесь никто не носит, нет никаких перспектив». Получив эту новость, начальник вызвал его назад.

Другой продавец, увидев, что в Африке все ходят босиком, необычайно обрадовался. Вот какую телеграмму он отправил: «Местные жители ходят босиком, всем нужна обувь, перспективы огромные! Поскорее присылайте сюда десять тысяч пар ботинок».

Два продавца исходили из одного и того же факта – африканцы не носят обувь. Однако один посчитал это препятствием и проявил нерешительность, он выпустил удачу из рук; другой же счел это возможностью, начал действовать смело и напористо, потому и добился успеха.

Гуань – это древний мужской головной убор. Лепестки лотоса на нем выгравированы симметрично друг другу, небольшое круглое отверстие в нижней части убора соответствует другому в задней его части и предназначено для специальной булавки из белой яшмы. Все линии изделия плавны и округлы, его принято тщательно полировать

Эту историю можно считать продолжением притчи о сунском торговце шапок. Сунец продавал шапки, европейцы торговали обувью – и как же им было склонить к покупке людей, которые не носят обуви и шапок? Следует постепенно знакомить другую сторону с собственной культурой, пока-

зывать те или иные ее преимущества: заставить бреющихся наголо людей оценить длинные волосы, убедить ходящих босиком признать обувь. Это точно так же подтверждает мнение Чжуан-цзы о том, что нельзя ограничиваться только собственной точкой зрения, на любой вопрос следует смотреть шире.

Великие вещи

Был у Чжуан-цзы приятель по имени Хуэй Ши – выдающийся философ из царства Сун, которого люди почтительно звали Хуэй-цзы.

Чжуан-цзы и Хуэй-цзы были хорошими друзьями, но, встретившись, очень любили поспорить. Два мудреца охотно вступали в словесную перепалку: они остроумно подкалывали друг друга, пикировались, вплетали меткие аргументы в плавное течение беседы.

Однажды Хуэй-цзы и Чжуан-цзы сидели вдвоем, пили чай и беседовали.

Хуэй-цзы сказал Чжуан-цзы:

– Правитель Вэй подарил мне семечко тыквы-горлянки. Я посадил его в землю, и у меня выросла неожиданно большая тыква.

– Насколько большая? – изумленно спросил Чжуан-цзы. – В нее могло бы поместиться пять даней⁸ зерна, – пояснил Хуэй-цзы. – Ты посоветуешь мне использовать ее как сосуд, но стенки тыквы хрупки, стоит наполнить ее водой доверху, как она тут же треснет. Если же, разрубив ее, сделать ковш, – он будет слишком большим: и несподручно, и поставить некуда. Придется мне попросту разбить ее на мелкие кусочки.

⁸ Дань – мера объема сыпучих и жидких тел; один дань равней примерно десяти доу или 103,54 л. Лян – мера веса, равен примерно 50 г.

Словами о большой, но бесполезной тыкве Хуэй-цзы намекал на великие принципы Чжуан-цзы, сложные и неудобные в применении на практике. Они как эта большая тыква – лучше уж пораньше разбить да забыть.

Чжуан-цзы, посмеявшись, сказал:

– Тут вот какое дело. Похоже, уважаемый просто не умеет использовать большие вещи.

– Как это понимать? – Хуэй-цзы стало любопытно.

Чжуан-цзы ответил, поглаживая бородку:

– Один человек из Сун знал рецепт мази, от которой зимой кожа на руках не трескается. Рецепт передавался из поколения в поколение. Семья этого человека всегда занималась тем, что вымачивала шелковую пряжу. В зимнее время они продолжали трудиться и зарабатывали больше, чем остальные люди, вынужденные оставить работу из-за холодов. – Хуэй-цзы внимательно слушал, закрыв глаза, а Чжуан-цзы продолжал: – Какой-то путешественник прослышал про секретный семейный рецепт и предложил за него сто лян² золота. Никогда раньше эта семья не видела таких денег, они посоветовались и, посчитав сделку стоящей, продали секретный рецепт мази. Купивший ее направился прямо в царство У, которое в это время сражалось с царством Юэ. Там он добился приема правителя, сообщив, что может повести бойцов сражаться. Уский правитель поверил в его способности и доверил ему войско. Шла зима, сражения разворачивались на воде. Благодаря секретному рецепту мази

для «незамерзающих рук» боеспособность армии царства У возросла в несколько раз. В конце концов царство Юэ потерпело поражение. Уский правитель на радостях пожаловал человеку, владевшему рецептом мази, должность и земельный надел.

– И что же это объясняет? – спросил Хуэй-цзы.

Чжуан-цзы рассмеялся:

– Один и тот же рецепт мази, не дающей рукам трескаться от мороза, позволил одним вымачивать пряжу и получать с этого лишний заработок, а другому – победить в сражении и получить от государя награду. А все оттого, что эти люди по-разному использовали то, чем владели. У вас сейчас есть тыква-горлянка, способная вместить пять даней зерна. Почему бы не превратить ее в лодку и не плавать по рекам? Вы все еще считаете ее слишком большой и никуда не годной? Господин, право, недогадлив!

Хуэй-цзы выслушал, но не согласился:

– У меня рядом с домом есть большое дерево, люди зовут его Вонючий ясень. Его ствол шершав и коряв, ветви изогнуты и скрючены. Его древесина настолько никчемна, что, хоть он и растет у дороги, плотники на него даже не смотрят. Так и твои слова: велики, но бесполезны.

Усмехнувшись, Чжуан-цзы парировал:

– У господина есть большое дерево, а он сетует на его бесполезность. Почему бы вам не посадить это дерево в чистом поле? Тогда мы сможем беззаботно гулять в его тени и отды-

хоть под ним; кроме того, его точно никто не срубит. Разве это не чудесно?

Спор окончился. Чжуан-цзы одержал в нем полную победу. Сразу несколько его доводов проиллюстрировали несоответствие фразы «великий, но бесполезный» объективной реальности. Нет никчемных, но великих вещей – есть несообразительные люди, применяющие великие вещи совершенно не к месту.

О Чжоу-ване и его палочках из слоновой кости

Секретный рецепт мази для рук – вещь незначительная, но при правильном применении эта мазь сыграла важную роль. В свою очередь, неверное использование другого незначительного на первый взгляд предмета однажды привело к плохим результатам. В поздний период Сражающихся царств мыслитель Хань Фэй в своем труде «Хань Фэй-цзы» описал историю о шанском Чжоу-ване и палочках из слоновой кости.

Чжоу-ван не всегда был необычайно жестоким правителем, он стал таким постепенно и в конце концов погубил страну. Рассказывают, как однажды на день рождения Чжоу-вана придворные и подданные преподнесли множество подарков, правитель их с радостью принял. Среди подарков была пара искусно сделанных палочек из слоновой кости, которые настолько полюбились Чжоу-вану, что тот стал пользоваться ими ежедневно.

Когда дядя Чжоу-вана, Цзи-цзы, увидел племянника за столом с палочками из слоновой кости, им овладело дурное предчувствие. Он отговаривал правителя постоянно пользоваться ими, но тот не слушал. О чем же волновался Цзи-цзы? Поскольку Чжоу-ван ел палочками из слоновой кости, было необходимо, чтобы и другие приборы им соответствовали.

Таку него появился новый яшмовый кубок в виде рога. Все столовые приборы и посуда были заменены новыми, дорогими. Простая пища больше не гармонировала с ними, а посему на столе у Чжоу-вана полагалось появляться только изысканным яствам с морей и гор. Вслед за этим и обстановка потребовала перемен, ведь такую пищу не едят, сидя в тростниковой хижине в коротком рубище, нужен пышный дворец и платье тонкой работы. Цзи-цзы тревожило, что неправильное применение даже маленькой вещи может привести к беде, именно поэтому его напугала пара палочек.

Захоронение Чжоу-вана в восточной части уезда Ци-

сянь провинции Хэнань. Четыре иероглифа #### («Гробница Чжоу-вана»), выполненные в энергичной манере, написал в 1987 году известный историк Чжоу Гучэн

Действительно, опасения Цзи-цзы постепенно подтверждались: образ жизни Чжоу-вана становился все более роскошным, а сам он – все более жестоким и развращенным. Не прошло и пяти лет, как Чжоу-ван уже привык к постоянным пирам с ломящимися от яств столами и реками вина, а также ввел множество жестоких наказаний, сделавших жизнь простых людей невыносимой.

В конечном счете династия Шан была уничтожена силами чжоуского У-вана, а Чжоу-ван совершил самосожжение в собственном дворце.

Эти два рассказа Чжуан-цзы и Хань Фэя показывают нам, что важно правильно применять как великое, так и малое. Что-то кажется мелочью, но при неправильном применении может усложнить нашу работу и жизнь. Поэтому следует вдумчиво относиться к каждой вещи.

Утром – три, а вечером – четыре

Один человек держал обезьян. Они жили вместе с ним долгое время и многому были обучены: понимали слова человека, а также могли объясниться с хозяином с помощью выкриков и жестов.

К примеру, хозяин спрашивает у обезьян:

– Пойдемте в горы гулять? – обезьяны радуются, хлопают в ладоши, визжат и согласно кивают, а после с озорством носятся врассыпную по горам и долинам.

Время к вечеру, человек кричит:

– Поздно уже, пора возвращаться, довольно играть, – и обезьяны недовольно вытягивают губы, нехотя собираются подле хозяина.

В какой-то момент дела у человека пошли не особенно хорошо, и он задумал уменьшить ежедневные порции еды обезьян, для чего позвал их к себе и объявил:

– С сегодняшнего дня я буду давать вам каштаны. Каштаны – это очень вкусно, и обезьяны, конечно, обрадовались новости.

– Теперь утром вам полагается три меры, а вечером – четыре, – продолжал хозяин.

Услышали это обезьяны, и им показалось маловато. Они начали качать головами и рассерженно кричать.

Хозяин тут же предложил другой вариант:

– Ладно уж, ладно, как вам понравится, если утром будет четыре меры, а вечером – три?

Обезьяны решили, что так получают больше каштанов, радостно закивали и запрыгали. В действительности количество каштанов не изменилось – семь мер в день. Хозяин всего-то навсего поменял местами утреннюю и вечернюю доли, чем и задобрил обезьян.

Чжуан-цзы рассказывал эту историю в надежде, что все поймут: источник и конечная цель всего сущего – это Дао, все сущее сливается в единое целое, все существует внутри Дао. Только умные и сведущие люди понимают эту истину, поэтому они не упорствуют в своем отношении к каким-то вещам и подчиняются простому здравому смыслу. Человек может действовать, следуя естественному ходу вещей, и достигнет необъяснимых границ – это и есть «дао». Как в двух строках Тао Юаньмина:

В этом всем для меня
заключен настоящий смысл.
Я хотел рассказать,
и уже я забыл слова...⁹

Выражение «утром – три, а вечером – четыре» первоначально означало, что различия порой несущественны. О том же идет речь и в выражении «старое блюдо под новым со-

⁹ Перевод Л. Эйдлиной.

усом». Стечением времени люди стали использовать это выражение для описания переменчивости человека, так говорили о тех, у кого «семь пятниц на неделе». На самом деле для точного описания человеческой переменчивости есть другое выражение: «утром – в Цинь, а вечером – в Чу». Этот фразеологизм напоминает о том, что в период Сражающихся царств два крупных княжества Цинь и Чу стремились к господству, поэтому часто воевали. Зажатые между ними небольшие княжества в поисках выгоды или из соображений безопасности то объединялись с Цинь, то присоединялись к Чу. Поэтому выражение «утром – в Цинь, а вечером – в Чу» гораздо точнее говорит о непостоянстве и изменчивости.

Успех приходит рано или поздно

Мысли Чжуан-цзы кажутся слишком глубокими. Могут ли столь высокие принципы этого мудреца руководить и нашими поступками? Без сомнения. Мы можем рассматривать жизнь человека как «Путь», о котором говорил Чжуан-цзы. Часть людей рано добиваются признания, мы называем это «достигнуть успеха в молодости»; другие достигают успеха уже в весьма преклонных летах, о них говорят «большой сосуд долго делается». Прославить свое имя можно в любом возрасте, главное иметь ум, знания, способности и готовность прилагать усилия, тогда успех возможен. Чей-то шанс приходит раньше, чей-то – позже, все зависит от внешних условий, но результат всегда один – реализация цели всей жизни.

Во многих известных в Китае историях о целеустремленности говорится про юные дарования, вспомним хотя бы предания о скромном Кун Жуне¹⁰, Гань До, назначенном министром в двенадцать лет, Хо Цюйбине, давшем отпор гуннам в восемнадцать лет, Чжоу Юе, шутя разгромившем превосходящего по силам противника в битве при Чибя, и многих других.

Если говорить о выражении «большой сосуд долго дела-

¹⁰ Говорят, что Кун Жун, будучи четырехлетним ребенком, всегда брал себе самую маленькую грушу, уступая братьям крупные.

ется», то нельзя не вспомнить о человеке, успех к которому пришел очень поздно – в восемьдесят лет. Это Цзян Шан, прозванный Цзяном Тайгуном.

Цзян Шан был из знатного рода, со временем разорившегося. Чтобы сводить концы с концами, он пробовал завести небольшое дело – продавал мясо, но его не раскупили, и оно испортилось. Затем он торговал вином, которое скисло нераскупленным. Он не отчаялся и решил продавать муку. Когда он понес два даня муки на рынок, его поклажа опрокинулась, вся мука оказалась на земле, налетел ветер и сдул ее.

В это время жена Цзян Шана оставила его из-за нужды. Несмотря на бедность, в душе Цзян Шан всегда был полон великих замыслов. Он без устали штудировал военные трактаты и стратегии, размышлял о способах управления государством, которые могли бы привести его к процветанию, надеялся, что однажды сможет реализовать свои планы и править во благо простых людей. Но шанский Чжоу-ван был тираном, и политическая обстановка того времени была чрезвычайно мрачной. Цзян Шан поселился в уединении, ловил рыбу, но на самом деле он наблюдал за переменами в мирских делах и поджидал благоприятного случая.

Дело кончилось тем, что в поисках мудрых чжоуский Вэнь-ван повстречал Цзян Тайгуна, которому было уже восемьдесят. Они побеседовали о важных делах в Поднебесной и обнаружили редкое единодушие.

Чжоу Вэнь-ван пожаловал ему почетное звание «тай-ши» – наставник императора. С того момента Цзян Шан начал помогать Вэнь-вану с планами по уничтожению династии Шан. После смерти Вэнь-вана Цзян Шан остался советником при У-ване. В конце концов династия Шан была уничтожена.

Слава поздно пришла к Цзян Шану. Если бы он сдался на середине пути, погрязнув в затянувшихся неудачах, и оставил попытки осуществить свое предназначение, не было бы и конечного успеха.

Беседка для рыбной ловли Цзян Тайгуна в городе Баоцзи провинции Шэньси. По легенде, Цзян Тайгун повстречал чжоуского Вэнь-вана, когда рыбачил здесь. Он стал советником при дворе и помог в основании династии Чжоу. Фраза «Цзян Тайгун ловит рыбу, желающий идет на крючок» стала в народе крылатой (имеет значение «добровольно дать себя одурачить»). – Примеч. пер.)

Возможно, в конце наш путь устлан цветами, но прежде нужно преодолеть немало трудностей. Все, что требуется – это упрямо двигаться вперед, не сдаваясь. Достичь цели никогда не поздно. Поэт Ли Бо писал об этом:

Ушел на покой я, но песни мои
Живут негасимой надеждой.
Настанет мой час, чтоб народу служить,
Быть нужным – придет мое время.

Как Ле-цзы отказался от зерна

Ле Юйкоу, живший в период Сражающихся царств и также известный как Ле-цзы, подобно Чжуан-цзы был последователем даосской идеологии, придерживался принципов безмятежности и недеяния. При этом Ле-цзы жил несколько раньше Чжуан-цзы, таким образом, являясь его предшественником.

Ле-цзы жил в бедности, в его семье питались очень скудно и часто недоедали, все домочадцы имели голодный и болезненный вид. С его знаниями было очень легко занять какую-нибудь должность, но он был вольным человеком, предпочитавшим вести свободную, ничем не ограниченную жизнь. Лучше уж он будет дома, помогать жене с домашними хлопотами, заниматься детьми. Как раз в этом он видел смысл жизни. Советник министра Цзыяна в царстве Чжэн как-то заметил: – Ле Юйкоу – человек высоконравственный и образованный, живет он в управляемом вами царстве, а ведет настолько бедную жизнь, что, если другие прослышат об этом, боюсь, могут сказать, что вы не цените просвещенных людей.

Цзыян ответил в растерянности:

– Я высоко почитаю ученых мужей. Где живет этот человек? Я пошлю его навестить. Дружба и помощь ученому человеку – неплохой способ снискать добрую славу.

И он немедленно послал человека с зерном к Ле-цзы. В то время его семья бедствовала.

Увидев чиновника, Ле-цзы спросил:

– По собственному ли желанию направил господин Цзыян это зерно в знак своего расположения?

Посланец чистосердечно ответил:

– Это идея советника господина, чтобы завязать дружбу с просвещенным человеком.

Услышал это Ле-цзы и молвил, махнув рукой:

– Прошу тебя вернуться и передать господину Цзыяну: я безмерно благодарен ему за участие, но, к сожалению, не могу принять это.

Гонцу оставалось только увезти обратно оставшееся нетронутым зерно.

Ле-цзы вернулся в комнату, застав жену в большой печали. Оказалось, что жена видела все произошедшее. Она лила слезы и причитала:

– Я слышала, что в семье ученого человека все живут в довольстве и в радости, но где же наши с детьми блаженные дни? Сейчас у нас дома шаром покати, дети растут, а ты моришь их голодом. На редкую удачу Цзыян отнесся к нам с вниманием, послал нашей семье зерно, как же ты мог отказаться?

Ле-цзы не рассердился, а, напротив, со смехом ответил:

– Достопочтенная супруга, послушай мои доводы. Цзыян со мной не говорил, он совсем меня не знает. Он послал мне

зерно, лишь услышав похвалу от других. Если же в следующий раз он прислушается к клевете и приговорит к наказанию? Вот почему я не пожелал принять зерна. Не сердись и не печалься, для начала мы обменяем на рис несколько вещей, а когда я наберу новых учеников – добавится и плата за уроки. Я стану больше помогать тебе с делами, договорились? – долго Ле-цзы увещевал супругу, пока та не рассмеялась сквозь слезы.

Впоследствии народ Чжэн поднял мятеж, Цзыян был убит. Это коснулось и многих его соратников, которые также пали жертвами беспорядков. Ле-цзы сохранили жизнь только благодаря тому, что он никогда не имел дел с Цзыяном. Супруга Ле-цзы содрогнулась, вспомнив о том случае, и не могла не преклониться перед прозорливостью супруга.

Как преуспел Люй Бувэй

Ле-цзы был дальновидным человеком, он не стремился к славе и выгоде. В «Исторических записках» Сыма Цяня говорилось и о другом человеке с далеко идущими планами – видном купце периода Сражающихся царств Люй Бувэе.

Люй Бувэй постоянно разъезжал между царствами по торговым делам. Однажды в столице царства Чжао, городе Хань-дане, он столкнулся с пареньком. В то время уже похолодало, но молодой человек был все еще одет по-летнему. Наметанный взгляд Люй Бувэя подсказал, что незнакомец был человеком незаурядным, несмотря на убогое платье.

– Кто этот человек в легкой одежде? – спросил Люй Бувэй у местных.

– Этого человека ты точно не знаешь, он внук нынешнего правителя Цинь, сын наследника престола Аньго-цзюня, сейчас – заложник царства Чжао, зовут его Цзы Чу, – ответил один из местных с пренебрежением.

Нужно пояснить, что значение слова «заложник» тогда отличалось от современного (например, когда речь идет о заложнике, захваченном террористами). В период Весен и Осеней княжества часто посылали людей, состоявших в кровном родстве с правителем, в другие государства в качестве «пленных», чтобы устранить противоречия и продемонстрировать доверие. Следовательно, положение заложников

в те времена совсем не было низким.

— Как может человек такого высокого статуса быть так просто одет? — поинтересовался вновь Люй Бувэй.

— Ха-ха-ха! — засмеялся прохожий. — Да ведь царства Цинь и Чжао постоянно сражаются в последнее время! Цинь то и дело нападает на Чжао, с чего это Чжао хорошо относиться к циньскому заложнику? Вот и содержат этого Цзы Чу все хуже да хуже.

Когда Люй Бувэй узнал об этой ситуации, у него появились некоторые соображения: его ждет крупное дело. Если сделать ставку на Цзы Чу, вознаграждение, пожалуй, будет трудно и сосчитать. Так что Люй Бувэй потратил приличные деньги на связи для знакомства с Цзы Чу, а затем преподнес последнему дорогой подарок и большую сумму от имени купца Цинь.

«Мой друг, у меня нет возможности отплатить вам за работу! Если однажды я добьюсь успеха, обязательно отблагодарю вас!» — получив огромную помощь от Люй Бувэя, покинутый на чужбине и беспомощный Цзы Чу был очень тронут.

Люй Бувэй знал, что первый этап его плана удался.

Позже отец Цзы Чу, Аньго-цзюнь, взошел на трон; он остался в истории как циньский Сяовэнь-ван. И вновь Люй Бувэй прибегнул к хитрости, чтобы Сяовэнь-ван утвердил Цзы Чу в качестве наследника.

Здоровье Сяовэнь-вана всегда было плохим. Новый пра-

витель, взойдя на трон уже в годах, вскоре попрощался с жизнью. Естественно, Цзы Чу стал следующим правителем, цинь-ским Чжуансян-ваном.

中华经典藏书

张双棣 张万彬 殷国光 陈涛 译注

吕氏春秋

中華書局

«Весны и Осени господина Люя» – коллективный труд, составленный философами под патронажем канцлера Люй Бувэя в конце эпохи Сражающихся царств, также известен как «Анналы Люй Бувэя». В книге 160 глав, более двухсот тысяч иероглифов. Люй Бувэй считал, что свод излагает суть всех дел, касающихся неба, земли и десяти тысяч вещей

Чжуансян-ван всегда был благодарен Люй Бувэю, сделал его канцлером Цинь и пожаловал титул удельного князя. После смерти Чжуансян-вана его сын Ин Чжэн унаследовал престол. Он стал известен под именем Цинь Шихуан. Ин Чжэн почитал Люй Бувэя как родного дядю, в руках последнего сосредоточилась вся административная власть Цинь. Он стал чрезвычайно могущественным человеком в Поднебесной, претворив в реальность свой замысел «вложиться в Цзы Чу, получить в миллионы раз больше».

Успех Люй Бувэя свидетельствовал о том, что он был человеком, мыслящим стратегически, но все его действия были продиктованы погоней за богатством и славой. В целом ему очень далеко до чистого и благородного Ле-цзы.

Как Чжуан-цзы видел себя бабочкой во сне

Познания Чжуан-цзы очень велики, однако дела его в реальной жизни были плохи. В «Исторических записках» Сы-ма Цяня описано, что он был смотрителем местечка Ли-юань (точно неизвестно, был это парк или что-то другое). Как бы то ни было, служил он недолго, а жил настолько бедно, что был вынужден брать хлеб взаймы у местных чиновников. Его дом в бедном районе соседствовал с лавкой обувщика, который плел и продавал соломенную обувь, чтобы выжить. Из-за скудного питания Чжуан-цзы был тощ и бледен.

Несмотря на бедность, Чжуан-цзы не впадал в уныние, а напротив, наслаждался такой вольной жизнью, не тяготился мирскими заботами и благами,

Однажды правитель царства Чу послал Чжуан-цзы тысячу лянов золота и предложил стать канцлером. Для других это был бы прекрасный шанс изменить свою судьбу, однако Чжуан-цзы лишь улыбнулся и сказал гонцу:

— Тысяча лянов золота — действительно дорогой подарок; пост канцлера — очень почетная должность. Но разве ты не видел жертвенной коровы во время жертвоприношения Небу и Земле? Люди откармливают ее лучшей едой, наряжают, живет она в уюте и довольстве. Спустя несколько лет,

перед жертвоприношением, где ее зарежут, эта тучная коро-
ва мечтает превратиться в маленькую худую свинью, лишь
бы ее не зарезали, но это невозможно. Возвращайся скорее,
не порочь меня. Мне милее нищая свобода, радость быть со-
бой, я не желаю принимать обязательств перед правителем.
Я не буду чиновником до конца жизни, только так я смогу
быть радостным в душе.

Чжуан-цзы – человек, полностью отринувший материаль-
ные блага и положение в обществе ради вольной жизни.

Философ был свободен, и сновидения его были столь
же свободны. Днем Чжуан-цзы любил поспать. Однажды он
увидел любопытный сон, в котором превратился в большую
бабочку. Бабочка порхала среди цветов. Перед ее глазами
простирался огромный пестрый океан. На листе и лепест-
ках лежали капли росы, сверкающие подобно драгоценно-
стям в теплых брызгах солнечного света. Бабочка грациоз-
но села на желтый пестик большого белого цветка и жадно
выпила с него росу – душистую, сладкую, с привкусом цве-
точного меда. Большая бабочка ощущала безграничную ра-
дость и наслаждение, совершенно не сознавала, что на самом
деле она – это Чжуан-цзы. Бабочка порхала среди цветов, а
устав, опустилась на цветок дикой розы и вытянула лапки.
Руки коснулись стены – Чжуан-цзы проснулся.

Пробудившись, Чжуан-цзы понял, что вновь стал челове-
ком. Но ощущения из сна еще не покинули его полностью,
он чувствовал невесомость в своих руках, словно, будучи ба-

бочкой, продолжал покачивать крыльями. Это заставило его засомневаться: то ли он Чжуан-цзы, ставший бабочкой во сне, то ли бабочка, которой снится, что она Чжуан-цзы. Чжуан-цзы подумал: у бабочки и меня непременно есть внутренняя сущность, а во сне оказалось, что эти две сущности поменялись местами. Такая замена, должно быть, и есть «превращение».

Сон бабочки Ли Шанъиня

Чжуан-цзы приснилось, что он стал бабочкой; это дало ему пищу для философских размышлений. Сюжет с бабочкой оказал большое влияние и на его последователей.

Великий поэт эпохи Тан Ли Шанъинь написал стихотворение «Драгоценная цитра»:

Нефритом украшена цитра моя,
И струн на ней пятьдесят.
И все эти звонкие струны со мной
О давних днях говорят,
Мудрец Чжуан-цзы в глубоком сне
Сияющей бабочкой был.
Ван-ди после смерти все чувства свои
В лесную кукушку вселил.
А в южных морях под взором луны
Текут жемчуга по щеке.
На синих полях под лучом дневным
В прозрачном яшма дымке.
О всех этих чудных явлениях не раз
Придется мне размышлять.
Но надо признаться, сейчас на моей
Душе печали печать¹¹.

¹¹ Перевод Л. Эйдлины.

В строфе «Мудрец Чжуан-цзы в глубоком сне сияющей бабочкой был» речь идет об истории со сном Чжуан-цзы о бабочке. А в строфе «Ван-ди после смерти все чувства свои в лесную кукушку вселил» говорится о правителе древнего царства Шу Ду Юе, который отрекся от престола и стал отшельником, а после смерти превратился в кричащую до крови кукушку¹². Обращаясь к образу бабочки, снявшейся Чжуан-цзы, Ли Шаньинь иллюстрировал непостоянство мира, иллюзорность жизни человека, несправедливость судьбы.

На что же сетовал поэт? Начать нужно с его женитьбы.

Ли Шаньинь был потомком правящей династии Ли, однако его дом давно пришел в упадок. Отец поэта умер рано, поэтому детство его было бедным и полным забот о матери. Ли Шаньинь рос сообразительным и хорошо учился. В шестнадцать лет он прибыл в Чанъань, где его оценил по достоинству влиятельный и знатный Линху Чу.

В те времена разгоралась борьба между высокопоставленными Ню Сэнжу и Ли Дэюя, а при императорском дворе формировалось два клана: Ню и Ли. Линху Чу был человеком клана Ню, естественно, Ли Шаньинь тоже стал его приверженцем.

Ван Маоюань, важный человек из клана Ли, выдал за талантливого Ли Шаньиня свою дочь. Так простодушный Ли

¹² В древности считалось, что кукушка не перестанет куковать, пока не докричится до крови.

Шанъинь породнился с кланом Ли. Он и его супруга Ван Ши горячо любили друг друга. Супружество обещало быть счастливым, но неожиданно принесло Ли Шанъиню много бед. Клан Ли потерпел поражение в борьбе с кланом Ню, и тесть Ли Шанъиня не смог помочь ему в карьере. А сын Линху Чу считал Ли Шанъиня сторонником клана Ли, предавшим его отца, и потому питал к нему лютую ненависть: служба Ли Шанъиня обернулась полной неудачей.

Могила Ли Шанъиня в парке на востоке города Синъян в провинции Хэнань. Парк назван именем поэта, там царит атмосфера, полная его стихов. О нем говорят: «Через десять шагов – новый пейзаж, в пейзаже таятся стихи». Парк отражает специфику культуры и истории Синъяна

После женитьбы Ли Шаньинь в поисках средств к существованию часто был в отъездах и редко виделся с любимой женой. Тоскуя по супруге, он написал стихотворение «В дождливую ночь пишу на север»:

Ты спросишь о встрече – но день мне неведом.
Дождь ночью осенней пруды наводнил.
Когда же мы вспомним тот дождь за беседой
В мерцании тусклой свечи?

Нежная, словно бутон, Ван Ши не смогла выдержать тягот жизни в нужде. Ей было тяжело сносить горечь разлуки с любимым мужем. Несчастливая, она рано умерла. Неудача в карьере и потеря жены обрушились на Ли Шаньиня – одна беда за другой, но это же горе подняло его творчество на новый уровень. От мук раковины появляется жемчужина. Только у человека, который испытал жизненные взлеты и падения, радость любви и ее утрату, могли родиться такие прекрасные слова: «В южных морях под взором луны текут жемчуга по щеке».

После смерти Ван Ши Ли Шаньинь больше не вступил в брак и создал множество стихов в память о ней. Он и сам вскоре простился с безрадостным миром в возрасте 47 лет.

Повар Дин разделявает коровью тушу

Эта притча о поваре по имени Дин, зарезавшем корову лянского Хуэй-вана. Его звали «повар Дин», поскольку люди в Древнем Китае, называя человека, обычно добавляли перед именем профессию.

Смотреть, как повар Дин разделявал говяжью тушу, было все равно что наслаждаться искусством. Движения рук, плеч и ног Дина были столь отточены и красивы, что напоминали танец. Когда его нож встречался с плотью коровы, отделяя мясо от костей, раздавался приятный звук.

Хуэй-ван смотрел и хлопал в ладоши, забыв, что это не танец, а разделка мяса. Только когда повар Дин закончил, он воскликнул:

– Прекрасно!

А затем Хуэй-ван спросил повара Дина:

– Мастерство твое столь высоко, как ты его достиг? Повар Дин аккуратно вытер нож, с довольным видом отложил его и ответил:

– Повелитель, Ваш слуга любит Путь, а это выше обыкновенного мастерства. Если вспомнить начало учебы, я, подобно другим, смотрел лишь глазами и видел перед собой только туши быков для разделки. Спустя три года я видел

уже не целые туши, а мышцы и кости.

– Каково сейчас твое умение? – снова спросил Хуэй-ван.

– Сейчас я работаю, доверяя внутреннему чутью, а не глазам. Мой нож проходит вдоль суставов, разделяет кости и мышцы. Я никогда не рублю мышцы и сухожилия, а тем более крупные кости. Хороший повар ножом режет и, как правило, меняет его раз в год; обычный повар рубит ножом и меняет его каждый месяц.

Скульптура «Повар Дин разделяет коровью тушу»

Повар Дин подал Хуэй-вану только что протертый нож.

– Посмотрите, государь, этому ножу уже девятнадцать лет, он разделал по меньшей мере несколько тысяч туш, а кажется, что он только что с точильного камня. В говяжьих суставах всегда есть зазор, а лезвие ножа настолько остро, что,

если ввести его в суставную щель, еще и место останется. Поэтому и через девятнадцать лет мой нож как новенький. Но, несмотря на это, как только я подбираюсь к сложному переплетению мышц и кости, я действую осторожно, внимательно и плавно. Нахожу точное место, едва заметно провожу ножом, треск – и мясо отстает от кости так же легко, как комок глины падает на землю. В этот момент я стою с поднятым ножом и гордо смотрю по сторонам, затем довольно обтираю нож и не спеша его прячу.

Хуэй-ван слушал и размышлял. Дождавшись момента, когда повар закончил свой рассказ, он произнес:

– Отлично! Слушая о твоём Пути мастерства, я постиг Путь долголетия.

Повар Дин в представлении Чжуан-цзы не обычный мастер по разделке мяса, а выдающийся человек, знающий Великое дао, поэтому он смог изложить столь глубокую мысль.

Дерево и камыш

С помощью притчи о поваре Дине Чжуан-цзы хотел донести необходимость постигать закономерности вещей и находить им правильное применение.

В Древней Греции жил человек, разделявший сходные принципы. Звали его Эзоп. Он жил несколько раньше Чжуан-цзы. Эзоп сочинял басни, обобщая в них человеческий опыт и философию. Его истории были отредактированы последователями и стали известны как современные «Басни Эзопа». Есть среди них и басня о дереве и камыше.

На дамбе реки стояло крепкое толстое дерево, а по берегам редко рос тонкий камыш.

Дерево очень гордилось своей внушительной внешностью и часто говорило камышу:

– Волнуюсь я за тебя, если поднимется большой ветер, боюсь, тебя вовсе сдует!

Камыш лишь смеялся.

Однажды и вправду налетел сильный ветер и с ревом бросился на дамбу. Дерево боролось изо всех сил. Буря миновала, но крепкое толстое дерево было сломано. Камыш же, несмотря на слабость и миниатюрность, лишь согнулся до земли, а после бури вновь распрямился – безо всякого для себя ущерба.

Упавшее и едва живое дерево спросило в изумлении:

– Отчего меня, такое крепкое дерево, ветер сломал, а с тобой ничего не случилось?

Камыш ответил так:

– Я сознаю собственную слабость, поэтому при приближении сильного ветра я склоняю голову, пропуская его; ты же противостояло ветру с излишней уверенностью в своих силах, поэтому и сломалось.

Повар Дин с легкостью вводил тонкий нож в просвет между костями говяжьей туши; камыш склонялся, избегая порывов сильного ветра: поразмыслив, мы поймем, что иногда уступающий и вправду мудрее. Столкнувшись с трудностями, можно неуклонно идти только вперед, но чтобы дойти до конца и достигнуть цели, необходимо остаться невредимым. Только в этом случае возможно дальнейшее развитие.

Если рассматривать Путь Чжуан-цзы как некий закон природы, можно понять вот что: следует соответствовать закономерностям внешней среды, заботиться об окружающем мире, бережно использовать природные ресурсы и пребывать в гармонии со всем живым. Если человек чрезмерно истощит природные запасы, загрязнит планету и будет безответственно относиться к экологии, то жизнь на Земле станет крайне сложна.

Беречь Землю и беречь себя нужно исходя из четкого понимания Пути, о котором говорил Чжуан-цзы, и только в соответствии с ним.

Фазан, живущий в камышах

У болотного фазана очень красивое оперение, особенно прекрасен его большой хвост пяти, а то и шести разных цветов, похожий на цветок. Жизнь фазана тяжела, поэтому и размерами он уступает своей близкой родственнице – домашней курице.

Фазану, живущему в камышах, нужно пройти десяток шагов, чтобы склонуть зернышко, и сотню шагов, чтобы выпить глоток воды, поэтому они такие тощие. Но только благодаря небольшим размерам они летают быстрее и дальше домашних кур, а поиск пропитания или побег от орла даются им довольно легко.

Крестьянин, живший около болота, заметил фазанов с удивительным оперением и захотел поймать одного из них, чтобы порадовать детей необычным домашним питомцем. Он устроил ловушку из клетки для обычных кур, насыпав внутрь вкусного пшена. Крестьянин надеялся, что фазан зайдет в клетку, увидев пшено, а дверца тут же закроется, и красивая птица станет его добычей.

Но фазаны, пролетая мимо его хижины, хотя замечали и клетку, и вкусное пшено, лишь смотрели издали, ни один из них не приблизился.

Через несколько дней один молодой фазан не выдержал и попытался склевать пшено, и, как только он влетел в клет-

ку, дверца закрылась. Но ароматное пшено теперь несколько его не привлекало. Маленький фазан больше всего любил обширные болота, зеленые заросли камышей и свежий воздух, наполненный ароматом тростника. Он изо всех сил шатал клетку, но безуспешно, тогда он стал биться головой о прутья. Прекрасные перья с головы облетели на землю, даже кожа потрескалась. Фазан остановился, только когда совсем выбился из сил.

Увидев, что красивый фазан попался в западню, крестьянские дети сначала очень обрадовались, а когда заметили его состояние – очень расстроились и дали ему еще пшена и воды. Однако маленький фазан даже не взглянул на еду, только неподвижно смотрел в сторону болот и желал оказаться на воле.

Так прошло несколько дней. Фазан по-прежнему не ел и не пил. Семья крестьянина поняла, что не получится сделать из дикой птицы домашнюю, а если и дальше так продолжать, то фазан умрет с голоду. Поэтому крестьянин открыл клетку и выпустил его.

Маленький фазан покружил над хижинкой в знак благодарности, а затем расправил крылья и полетел назад к тяжелой, но свободной жизни на болотах.

Чжуан-цзы сделал вывод, что, хотя жизнь фазана вне клетки полна трудностей, но она совершенно свободна, поэтому, какими хорошими бы ни были условия в неволе, фазан никогда не захочет так жить.

Павлин и белый журавль

В «Баснях Эзопа» есть история о павлине и белом журавле, сюжет которой близок притче Чжуан-цзы о фазане, живущем в камышах.

Павлин – чрезвычайно красивая птица с пестрым оперением и огромным роскошным хвостом, немного похожим на расписную ширму. Но павлин – несвободная птица, у нее есть хозяин. Днем он выпускает павлина из клетки немного прогуляться и поесть заранее приготовленный корм, а вечером павлин возвращается в клетку. Павлины летают плохо, стараются держаться вблизи других птиц, а дальние просторы их не манят.

Павлин не возражает против неволи, он проводит время, любуясь собственной внешностью и красивым «нарядом».

Однажды павлин прогуливался вдоль реки и смотрелся в прозрачную воду, как в зеркало. Он раскрыл великолепный хвост и повернулся вокруг себя, восхищаясь отражением, но вдруг вода помутнела. Оказалось, что неподалеку в реке стоял белый журавль.

– Эй, отойди скорее, разве ты не видишь, что я люблю себя? – рассердился павлин.

– Ой, а я ловил рыбу и не заметил, – ответил журавль, отходя немного назад.

Белые перья журавля были лишены блеска, и павлин смот-

рел на него с презрением. Он взмахнул роскошным хвостом, чтобы вызвать зависть у журавля, но тот даже не поднял головы, занятый рыбной ловлей.

Павлин насмешливо крикнул:

– Взгляни-ка на мой прекрасный изумрудно-золотой наряд: все перья переливаются! Как жаль, что ты такой блеклый и уродливый. Мне на твоём месте было бы очень обидно.

Белый журавль на это ответил:

– Да, может, я не так красив, как ты, зато я могу парить в небе. Я свободен, белые облака – мои друзья. Я летаю над лесами и полями, люблюсь живописными видами с высоты. А ты живешь с петухами и курами да ходишь только по земле, вот и все твои развлечения.

Павлин опустил голову от стыда.

Белый журавль выглядит очень скромно, но он стремится к высокому. В его жизни намного больше радостей, чем у роскошно одетого, но заурядного павлина.

Так всегда в жизни: не стоит завидовать богатым людям, разодетым в золото и серебро. Нужно подумать о том, что является источником их богатства: не пренебрегли ли они более важными ценностями в обмен на такую жизнь?

«Бесполезное» дерево

У Чжуан-цзы есть притча о Цзы-Ци из Наньбо. Герой притчи – выдуманный Чжуан-цзы персонаж, история такого человека не знает. Мы можем представить его как ученого наподобие Чжуан-цзы, любителя поразмышлять.

Однажды Цзы-Ци из Наньбо гулял на горе Шан, и одно высокое дерево привлекло его внимание. Это дерево было настолько большим, что тысячи колесниц, запряженных четверками лошадей, могли укрыться в его густой тени. Дерево действительно выросло до неба, но оно было уродливым. Крупное и раскидистое, но лишенное стройности и густой листвы; ветви кривые, кора неровная; листья, безжизненно свисавшие с веток, были хоть и крупны, но не изящны, – зеленые в середине и желтые по краям.

Цзы-Ци из Наньбо очень удивился:

– Какое огромное! Что же это за дерево? Уверен, у него есть и другие особенности.

Он внимательно осмотрел ветви. Они были длинными, но кривыми, ни одной прямой ветки, да еще и шершавые, словно на них выросло множество мелких шишечек.

Цзы-Ци вздохнул:

– Эх, как жаль, что из него ничего нельзя сделать. Балки для моста точно не получится.

Затем он наклонился рассмотреть корни и ствол и увидел

множество больших и мелких трещин, похожих на кривые рты; узоры на стволе неровные – не подойдет даже в качестве простой древесины.

Он снова вздохнул:

– Для строительства дома тоже не подходит. А если сделать гроб? Для этого древесина тоже недостаточно прочная.

Цзы-Ци из Наньбо думал: раз уж древесина этого огромного дерева ни на что не годится, возможно, оно имеет лекарственные свойства? Он слегка лизнул листок с дерева и словно обжег язык; как оказалось, в листьях содержалось едкое вещество, которое жгло до страшной боли. Затем он понюхал листья – запах был похожим на дыхание пьяного, до того ужасен да резок, что аж голова закружилась.

Цзы-Ци из Наньбо воскликнул:

– Такое огромное дерево, можно сказать, царь деревьев, как жаль, что из него ничего нельзя сделать, совсем ни на что не годится!

Затем он поразмыслил над этим. Как раз потому, что дерево это ни для чего не пригодно и бесполезно, его и не срубил дровосек, только поэтому оно и выросло таким высоким, иначе давно бы уже пошло на древесину. Неудивительно, что как раз по этой причине многие известные люди скромно называют себя «бесполезными».

Чжуан-цзы рассказывает эту притчу, на первый взгляд, критикуя «бесполезность» и «негодность», но, если посмотреть глубже, эти свойства – лучший способ спасения в бес-

покойные времена. Ни на что не годное дерево с горы Шан избежало топора как раз благодаря «бесполезности», выросло высоким и пышным; другие же деревья были срублены, потому что их древесина была хороша и могла принести пользу. Мудрый Чжуан-цзы использует понятия «бесполезности» и «непригодности», чтобы проиллюстрировать даосскую истину, которая учит, «как прожить годы, предопределенные судьбой». При встрече с опасностью «бесполезность» и «непригодность» с легкостью помогут защитить себя.

За весельем не вспоминать о Шу

Чжуан-цзы рассказывал притчу, а случай, изложенный ниже, произошел на самом деле. Это история последнего правителя государства Шу, Лю Шаня (период Трех царств).

Лю Шань был сыном Лю Бэя, императора Шу Хань. Его отца называют первым правителем, а его самого – вторым и последним. В 223 году Лю Бэй скончался, и Лю Шань взошел на престол. Согласно поручению отца, он передал управление важными государственными делами ЧжугэЛяну, а также присвоил ему титул первого министра. После смерти ЧжугэЛяна Лю Шань предался увеселениям, приблизил к себе подлых людей, а государственные дела пришли в упадок. Царство Шу и раньше было слабым, поэтому в 263 году, когда генерал Дэн Ай из царства Вэй напал на столицу Шу – город Чэнду, Лю Шань открыл ворота и сдался. Он был императором сорок лет, но не сделал ничего стоящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.